

На соискание Государственной премии СССР

В СТРЕМЛЕНИИ выявить сущность во многом еще нераскрытой новаторской природы одного из наиболее значительных и самобытных современных произведений — романа Юрия Бондарева «Берег» выдвинутого на соискание Государственной премии СССР — мы все настойчивее обращаемся к тем внутренним, «грунтовым», глубинным традициям, которые обеспечивают яркость и своеобразие советской литературы. Мы говорим о традициях Горького, влияние которого, не всегда осознаваемое и самими писателями, могуче сказывается в общем пафосе нашей литературы, в концепции мира и человека, во множестве форм художественного постижения жизни при всей неповторимости исторического опыта сегодняшних исканий.

«Берег» — одно из произведений, властно напоминающих о жизнестойкости этих традиций и претворяющих многие предсказания Горького о будущем литературы.

Известно леоновское высказывание: «Без преувеличения можно сказать, что все мы, нынешняя литературская генерация, выпорхнули из широкого горьковского рукава». Оно и сегодня звучит напоминанием о том водоразделе, который пролегал, при всей общегуманистической и художественной связи, между двумя эпохами в литературе — завершенной Толстым и начатой Горьким. «Это не означает, — разъясняет свою мысль Леонов, — что все принадлежат школе горьковского стиля. Он сам говорил мне, что мы не монахи — петь в унисон молитвенные гимны... Все инструменты, все голоса нужны в большом едином оркестре...»

Бесспорна приверженность Бондарева к поискам художественных решений в сфере толстовских открытий, художественных озарений Достоевского. Пройдя ту же школу, будучи преемником тех творческих накоплений, без которых нельзя было стать родоначальником нового искусства, Горький вслед за своими учителями настаивал на непереносимом сохранении художником собственной индивидуальности как решающем условии творчества. Уроками Горького освещено и понимание сегодняшними писателями обязанности самостоятельного — в русле своего времени — движения творческих поисков.

«Толстой и Достоевский для нас — высокие примеры постижения души человека, — размышляет Бондарев, — проблем, которые ставит перед человеком его время. Это великие мастера, у которых учимся не только мы, но будут учиться многие поколения писателей. Однако можно ли проверять общественными и психологическими открытиями даже великих писателей и отношения и характеры людей, скажем, 50-х и 60-х годов нашего века? Видимо, подобный критерий был бы ошибочен. Если пять человеческих чувств, данных самой природой, может быть, мало изменились, то сильно изменились взаимосвязи и взаимоотношения в современном мире, а значит — и поступки людей в нашем обществе как проявление характера. Те же проблемы веры и неверия, жестокости и добра ставятся и решаются в современном искусстве другими методами, с иной интонацией, с иной окраской. Да и само жизненное содержание этих проблем стало другим. Каждое время несет в себе неповторимые особенности, и верность и ясность зеркала нельзя проверять другим зеркалом, каким бы огромным и ошеломляющим оно ни было.»

Такое убежденное признание авторитета и смелое отри-

цание непререкаемости его дает истинному художнику достоинство в свободе творчества.

В «Береге» нам видится своеобразное, в логике нашего времени, развитие жанра интеллектуального, политического, нравственно-философского романа, заявленного в советской литературе эпопеей Горького «Жизнь Клима Самгина». Это сказывается в принципах изображения идеологических схваток с буржуазной философией, в высокой концентрации страстности, наступательности отстаивания героями и автором своих взглядов, в особой публицистичности, в постановке крупных социально-нравственных проблем общечеловеческой значимости. В какой перспективе движется жизнь всего человечества? Этот вопрос, обращенный Бондаревым к нашему времени, поставлен в «Береге» по-горьковски масштабно.

В центральном герое романа — Никитине, писателе, вступающем в сражение за свои идеи, — отчетливы черты того художника нового типа, о котором мечтал Горький, каким

закладывается в том, чтобы облепить мысль в образ, приживить идею к образу или, как выразился Горький в одном из писем, «включить мысль в образ». Одним из достоинств Бондарева как современного художника, вносящего свой вклад в развитие новой эстетической системы, и является это возрастающее от одного произведения к другому умение «включить мысль в образ». Умение, связанное с горьковским пониманием значимости, силы интеллектуального, сознательного существования человека.

Лучшим героям произведений Бондарева в высшей степени свойственно сознательное начало. Мысль — вот чем они живы. Княжко показался кому-то излишне рационалистичным, «умственным» — зато не потому ли он всегда — наперед, на будущее — прав? Статичностью, пеностью мышления обречен Самсонов, превалирование эмоционального в Никитине — его слабость... «Эмоциональное начало тянет к прошлому, — говорил Горький, — интеллектуальное — к

ЧЕЛОВЕК ГЕРОИЧЕСКИЙ

был он сам, названный современниками «сражающимся писателем». Не просто правда — но «борющаяся правда», не просто гуманизм — но «борющийся гуманизм».

«Революция, — говорит Никитин в споре с Дицманом, — это отрицание безнравственности и утверждение нравственности, то есть вера в человека и борьба и, конечно, совесть, как руководство к действию» (выделено мной — И. Б.). Так заявляет современный писатель горьковские истоки своего мировоззрения.

Основной задачей советской литературы Горький считал возмечивание борющегося человека, героического деяния, героической личности. На одном из обсуждений романа «Берег» Бондарев подчеркнул, что «главным героем его является homo heroicus — человек героический». По-горьковски широко, диалектически понятие содержание героического в «Береге» составило особый характер современности этого произведения, обозначило, в частности, специфику сложности характера Никитина. «Для меня, — писал Горький, — герой — вместилище всех бурь и тревог, всех сомнений и всех трагедий жизни...».

Современная буржуазная философия пронизана, отравлена горечью отчаяния, неверия в человека. Человек есть раб и зверь — вот ее исходные. Этальными в нашей литературе становятся произведения, развивающие горьковскую концепцию веры в величие человека, утверждающие человека как «чудо, единственное чудо», «человека — хозяина на земле» (Горький). Творческая победа Бондарева успех «Берега» во многом обусловлены высокой концентрацией художественного выражения этой концепции.

«Героизация действительно, — писал Горький, — отнюдь не должна опираться на восхваление только эмоций, но, главным образом, на проповедь всеокрушающей и всеорганизующей силы разума». В книге «Герой и народ» И. Кузмичев приводит важное для понимания сегодняшних идейных и художественных поисков выражение Горького. «Задача литературы новейшего времени, — пишет И. Кузмичев, —

будущему». Его Самгин хотел написать книгу против разума.

В образе Княжко — та самая «третья действительность» (будущее), без воплощения которой не видел Горький новой, социалистической литературы. Княжко — это Данко военной поры. Кстати, уже и в романтическом своем герое Горький ярко выразил примат мыслительного начала: «Что сделаю я для людей?» — и затем уже идет поступок. Как решение, ответ на мысль.

Разумное, волевое восприятие действительности у лучших героев Бондарева, высоко развитое общественное сознание, как мы сегодня говорим, или, как формулировал Горький, сознание себя «политическим человеком» есть воплощение «инстинкта разума» нового человека, сформированного своим временем.

Если мы считаем кульминацией романа эпизод, когда Княжко выходит к немецким подросткам с белым парламентерским платком во спасение будущего, то это и наиболее художественно совершенное у Бондарева «включение мысли в образ». В «Горячем снеге» подобные высшие мгновения изображались через внутреннее рассуждение героя и автора (Кузнецову, например, «казалось, как будто все на земле зависело от его действий») (выделено мной. — И. Б.). Мысль Княжко о личной ответственности за «все на земле» еще полнее, органичнее «включена» в поступок, растворена в нем, «приживлена» к нему.

Открытый политический диспут между Никитиным и Дицманом есть форма публицистического решения вопроса о слове политики и нравственности. Высшие художественные решения «включения» этой «мысли в образ» — изображение отношений Никитина и Эммы.

При особой тщательности анализа таких чувств, как любовь и ненависть, Бондарев — не только в «Береге» — заставляет вспомнить горьковскую формулу: «Героическая ненависть». Ненависть Княжко, Никитина, Кузнецова, Новикова — именно «героическая», связанная со всей сложностью осмысленного отношения к жизни. Иная — у Гранатурова, Меженина, губительная для самого человека, ее несущего, скорпионья, нечто биологическое.

В нашей наполненной философской мыслью сегодняшней литературе немного найдется произведений, где так напряжено и страстно, как в «Береге», через саму плоть образа проводилась бы главная, по существу, горьковская идея — о власти человека над историей. Человеку Толстого и Достоевского история неподвластна, и это горьковские новые люди, понимающие свою роль в историческом движении, свою решающую силу — герои Бондарева. Они делают историю и знают это. Никакое другое время не давало человеку этого самоощущения.

В «Севастополе в декабре месяце» Толстой пишет: «И вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством» (выделено мной. — И. Б.). Как бы в противовес этому, как бы в противовес изображению и капитана Тушина, например, с его болезненной, чисто классовой робостью перед начальством (ведь только в неясных видениях во время боя мог видеть он себя тем, кем был на самом деле: богатырем-победителем) пишет Бондарев финал «Горячего снега», где Кузнецов и его товарищи на равных говорят с пришедшим к ним на батарею командующим армией; исполнены осознанного достоинства герои «Берега».

Мы не ставим знак равенства между Межениным, шпальной у «Балчуга», Самсоновым и эзэсовцами, загнавшими мальчишек в лесничество. Но мы видим возможности соединения этих образов в одну цепочку, единую лестницу, чьи ступени определены для каждой из фигур бесстрашием писательского взгляда на жизнь, осветившим их общность, — и здесь мы вспоминаем Горького, первым художественно воплотившего мысль о кровном родстве всех разновидностей мещанства, высшей формой которого он считал фашизм.

Воздействие Горького, его взгляда на мир, его идейно-художественных исканий — в крови нашей литературы. И с развитием этих наиболее жизненных, актуальных традиций, завещанных великим новатором эпохи, связываем мы лучшие ее достижения.

Ирина БОГАТКО